

*Inna
Korogid
(//inna-
korogid.m
e/)*

info@inna-
korogid.me
 (mailto:info@inn
a-korogid.me)

Спасибо Кристине

Умер мой самый дорогой друг! Умер хороший, добрый человек! ... Умер мой муж!

Пять лет вместе! Пять лет счастья! Пять лет покоя! Как много людей на кладбище ... И большинство мне незнакомы ... Думала, что только в фильмах, когда хоронят, всегда идет дождь ... И вот сегодня тоже ... дождь ... Его дети — сын и дочь ... не вижу, чтобы их лица выражали истинное горе ... Одна «показуха», и только. С самого начала, как только вышла замуж за Жан-Пьера, поняла, что его дети — полная противоположность ему, — вероятно, в мать, которая тоже пришла на кладбище, естественно, экстравагантно одетая в черное ...

Кроме ненавидящего взгляда, брошенного в мою сторону, я не увидела на ее лице ни капли сострадания и горя. Неужели ни она, ни ее дети (его ведь тоже) так и не поняли, кого они потеряли? Отца, да и какого отца, который, даже после того, как его оставила жена, забрав детей, оставался до последней минуты любящим и заботливым. Не женился до тех пор, пока они не стали взрослыми и самостоятельными.

А сейчас ... Опускают гроб ... Для меня это конец ... Как без него? Не хочется жить ... А мне ведь только тридцать семь ... У нас была большая разница -двадцать лет. Но я его любила ... очень. Может быть, не сразу, но чем больше узнавала его, тем больше радовалась своему счастью. До встречи с Жан-Пьером жила в Варшаве. Была модельером. Любила свою профессию. Искала, как можно женщин сделать еще красивей и элегантней. Была замужем. Несчастливо. Муж пил, да и с работой не всегда был в ладах. Поэтому, когда моя лучшая подруга, которая уже более шести лет проживала в Париже, работая в одном из домов мод, пригласила к себе, я, не задумываясь, согласилась. Люцина, так звали мою подругу, познакомила меня со многими интересными людьми в Париже, продав им несколько моих моделей. Хотя она и сама занималась моделированием, но считала, что у меня больше фантазии и риска. Я же последнее время специализировалась на моделях, от которых веяло бы чем-то русским, использовала некоторые элементы, напоминавшие «Федоскино». В Париже от этого пришли в восторг. На год меня пригласили работать в один из знаменитых парижских домов мод. Вот там-то я и познакомилась с Жан-Пьером, который просил, чтобы я сконструировала для него несколько моделей именно в стиле «а-ля рюс». Он имел несколько мануфактурных, а также несколько швейных фабрик во Франции и в Италии. Когда я принесла ему свои заказы, его восторгу не было конца. Он пригласил меня в «Жордж», а на другой день в «Царевич»- вероятно для того, чтобы сделать мне, как русской, приятное. Но ему удалось большее — я просто была им очарована. О своей личной жизни он ничего не говорил. Зато я ему все рассказала о своей. Выслушав печальную историю моей семейной жизни, он только сказал, что она ничем не лучше его. И ... предложил мне руку. Вот так. Без всяких объяснений. «Выходите за меня замуж». — «Но я ведь замужем», — ответила я. «Попросите развода». — «Вы это серьезно?» — «Неужели я похожу на легкомысленного человека?» — «Хорошо, — сказала, — попрошу развода».

Поехала в Варшаву, а через три месяца стала женой Жан-Пьера, этого замечательного, чуткого, скромного и талантливового человека.

И вот теперь ... Еще несколько секунд ... Опустили гроб ... Пустота ... А как же я? ... Без него? ... За эти пять лет я совершенно отвыкла от самостоятельности. Ни о чем не думала. Он все делал и решал за меня. Продолжала заниматься моделированием, но уже, как говорят, не для «хлеба», просто для морального удовлетворения.

А последние три месяца ... Эта нестерпимо-жуткая мысль, что Жан-Пьер обречен. Всегда такой здоровый. Такой энергичный. Такой неутомимый. Рак. Ни капли надежды. Слишком поздно. Просила доктора не говорить ему об этом, пусть хоть последние минуты будут без этой страшной мысли. Он умер, так и не узнав, от чего.

Засыпают землей.

Чувствую, как ноги подкашиваются и к горлу подступает комок ... А плакать не могу. Какой-то мужчина поддержал ... «Виктор», — представился он. Я его видела впервые. «Ваш муж был для меня самым близким другом. Это был поистине изумительный человек.

Столько мы с ним в свое время пережили ... Я понимаю ваше горе ... и можете рассчитывать на мою искреннюю помощь». Я поблагодарила. Странно ... Такой приятный мужчина ... назвался его другом, а я впервые его вижу и ничего о нем не слышала ... Может, узнал о смерти и приехал? ...

Три месяца готовилась к этому удару. И все равно сейчас будто тисками сжало сердце.

Что стоит жизнь? ... Домой. Домой. Скорее ... подальше от кладбища, от людей, репортеров, от этих презрительных взглядов его детей, его жены. Боже, сколько ненависти ко мне ... А почему? Разве я забрала у нее мужа? Она сама его бросила. Так почему же?!

Домой ... Не останусь в Париже ... поеду в Варшаву ... Без него и Париж пустой. Уеду ... Уеду ...

Вернулась домой.

Совсем забыла, что в семнадцать часов нотариус должен вскрыть завещание. Мне все равно. Знаю, что в основном все сыну, что-то дочке. Меня это совершенно не волнует. Главное — его нет. При чем тут завещание?

Попросили спуститься в библиотеку. Вошла. Все уже ждали. Извинилась за опоздание. Нотариус торжественно распечатал конверт. Начал читать: «Мануфактурные фабрики во Франции: сыну — шестьдесят процентов прибыли, дочери – сорок процентов прибыли. Все остальное движимое и недвижимое, дом в Виль-Д’Аврэ, под Парижем, две швейные фабрики в Италии и дом во Флориде, недалеко от Майами, завещаю самому преданному и любящему другу, моей жене Елене Дэнис. Данное завещание оспариванию не подлежит. Жан-Пьер Дэнис».

Бывшая жена демонстративно резко встала и, обратившись к детям — «пошли», — вышла. Сын и дочь с недоумевающими взглядами поспешили за ней. Я для них как была, так и осталась пустым местом, а может, они считали, что я их «обокрала».

Ушли. И слава Богу. А мне зачем все это, когда из жизни ушла моя Любовь, ушла моя Радость и Надежда. Больше нету моего дорогого Жан-Пьера. К чему мне все это? ... Надо уехать отсюда ... Уехать ...

Неделя пролетела в сборе необходимых документов, чтобы завещание вступило в силу. Правда, этим занимались нотариус и адвокат. Я же жила, словно в летаргическом сне. Все видела, все слышала, но не принимала в этом участия.

Где-то через три-четыре дня неожиданно пришел мужчина, который в день похорон так мило прямо на кладбище предложил свою помощь, назвавшись другом моего мужа. Снова, извинившись, представился, спросил, может, мне необходимо в чем-либо помочь. Начал говорить о Жан-Пьере. Даже принес несколько общих фотографий. Когда же я сказала, что, к сожалению, впервые о нем

слышу, он искренне удивился тому, что муж ничего мне о нем не говорил. Он сказал, что последние шесть лет пребывал вне Франции на одной секретной службе, вероятно, это и не позволило Жан-Пьеру говорить о нем. Ах так, тогда понятно.

Очень милый, тактичный, внешне приятный мужчина, особенно своим аристократизмом. Лет на пятнадцать моложе Жан-Пьера.

Когда я сказала ему о своем решении уехать отсюда, и как можно подальше, например в Варшаву, он сразу сказал: «А почему бы вам не поехать во Флориду, как мне известно, у вас там очаровательный дом? Да и материально вы ни от кого не зависите». Я сказала, что подумаю. Это предложение мне понравилось — совершенно забыла, что эта вилла в данный момент принадлежит мне.

Мой новый знакомый стал посещать меня почти каждый день. Не могу сказать, что это было мне неприятно. Уж больно одиноко я чувствовала себя последнее время. В горе всегда нужно иметь рядом с собой кого-нибудь из близких. Через несколько дней сказала Виктору, что готова ехать во Флориду. Он был в восторге от этого, сказав: «Какое чудесное совпадение, — мне предложили работу в Майами, в сорока пятидесяти километрах от деревушки, где находится вилла». Я тоже была рада, что в Америке не буду поначалу совсем одна, без знакомых.

Вылетела. Очаровательный дом. А мы с Жан-Пьером только три раза там были. Всегда не хватало времени. Всегда что-нибудь удерживало нас в Париже. А сейчас ... меня уже ничего ... а его ... Боже, почему люди так рано должны уходить из жизни? ...

Флорида. Очаровательная Флорида, но ... все же пока ... чужая. Что бы я тут делала без Виктора? Все больше и больше привязывалась к этому чуткому, деликатному и очень тактичному человеку. Так бескорыстно, от чистого сердца предложил мне помощь и помог. Конечно, большую помощь оказывают две женщины, которые полностью ведут мой дом, да и живут тут постоянно. Это мать со своей тридцатилетней дочерью, которая замуж не вышла. Обе женщины очень милы и преданы мне. Еще Жан-Пьер когда-то сказал, что ему очень повезло в том, что он нашел таких честных, аккуратных и преданных людей. Я с ними сразу же нашла общий язык.

Прошло полгода. Жизнь продолжалась. Постепенно приходила в себя от утраты, от своего горя. Почти ничем не занималась. Читала, бродила по берегу океана. Знакомых, друзей не имела, если не считать нескольких соседей, которые вскоре после моего приезда пришли выразить мне свои соболезнования. Они хорошо знали Жан-Пьера, да и меня по трехразовому пребыванию тут. Правда, с одной из женщин, Кристиной, я даже немного сблизилась. Она тоже из Польши, двадцать лет тому назад вышла замуж за американца и приехала сюда. Очень милая, душевная женщина, вся, как говорят, «своя».

Виктор мне очень помогал. Работал он в Майами, а это совсем близко, всего около пятидесяти километров от моего дома. Почти все «уик-энды» проводил у меня. Был ненавязчив, деликатен. Если его дела не позволяли ему приехать на субботу-воскресенье, мне как будто чего-то не хватало, хотя я не думала о нем как о мужчине. И когда он мне неожиданно объяснился, предложив замужество, я была просто ошарашена. Не знала, что ему ответить ... Видя мою растерянность, он тут же сказал, чтобы я не спешила с ответом ... он понимает ... для этого нужно время ... Просто у него это случайно вырвалось, так как уже столько времени он борется со своим чувством, ведь он давно понял, что любит, и не представляет уже своей жизни без меня ... И просит меня простить его за это внезапно вырвавшееся признание. Я не знала, что ему ответить, единственное, что сумела из себя выдать: «Да, это понятно, но ... я об этом не думала, вообще-то я не собираюсь больше выходить замуж ... хотя вы очень милы, мне приятно ваше общество, считаю вас своим другом, не больше. Пока», — добавила тихо. «Да, да ... пока, Елена. Я понимаю тебя ... но все же не исключай такую ВОЗМОЖНОСТЬ».

Тот вечер стал каким-то натянутым, как будто мы нарушили «табу». Даже рада была, что поздно вечером он уехал к себе.

Осталась одна. Думала о Викторе. Странное, двойное чувство тянуло меня к нему, хотелось обнять его, почувствовать около себя мужчину, который бы заботился обо мне, оберегал. Истосковалась по любви. Нравился он мне. А с другой стороны, не могла понять ни его самого, ни его работы, ни его

частых, таинственных исчезновений, каких-то недомолвок. Не знала ни единого его знакомого как в Париже, так и тут ... хотя это могло быть связано с работой, которая требовала секретности. Зато всегда очень живо Виктор интересовался моими новыми знакомыми, соседями.

Правда, один раз он, как бы между прочим, сказал: «Да, есть вещи, которые никогда не забываются. Я тоже пережил потерю близкого мне человека, женщины ... Думал, не смогу жить ... но живу». Что-то произошло в его жизни такое, что его мучает, подумала я. Значит, понимает горе других.

Нет. Я несправедлива к Виктору. Он доказал свою любовь отношением ко мне, своей бескорыстной мощью, преданностью ... Так почему должны возникать у меня какие-либо сомнения?

Прошла неделя. В субботу я устраивала небольшое «parti», немного в «русском духе» -шампанское, икра. А главное, приготовила блины из гречневой муки с красной икрой и сметаной. В Америке этого не знают. Пригласила соседней. Приехал Виктор. Атмосфера была очень милая, много смеялись, припоминая то один, то другой анекдот. Шампанского тоже было выпито не так уж и мало, да и блины мои произвели должное впечатление. Не хотелось расставаться. Тогда я предложила, если гости не будут возражать, спеть для них несколько русских романсов и цыганских песен. Села за рояль. И впервые после смерти Жан-Пьера пела, аккомпанируя себе. Гости и Виктор были в восторге. Спихватились, что уже поздно, но уходить никому не хотелось. Спела еще ряд известных всем романсов, после чего гости разошлись.

Виктор смотрел на меня восхищенно и влюбленно.

«Люблю тебя, — сказал еле слышно. — Люблю. И очень. Поверь, не смогу жить без тебя».

«Ты мне тоже нравишься, — ответила я.- Но боюсь твоих слов ... это обязывает. А я не хочу сейчас никаких обязательств. Понимаешь? Будем вместе. Будем друзьями, как говорят, поживем -увидим».

Нам было хорошо вместе. Верила ему. Все в нем говорило о любви и преданности.

Месяца через два я получила известие из Парижа, что страховка моего мужа Жан-Пьера Дэниса вступает в силу и я могу ее получить в любой момент, но только в Париже. Шесть миллионов французских франков, то есть миллион долларов! У меня закружилась голова от этой сумасшедшей суммы, ведь я ничего не знала о существовании этой страховки. С нетерпением ждала Виктора, чтобы сообщить ему эту новость и попросить его сопровождать меня в Париж.

Через неделю мы были в Париже. Вошли в дом на Виль-Д' Аврэ — все по-старому. Сердце забилося. Нахлынули воспоминания. Виктор деликатно не остался на ночь. На завтра договорились с нотариусом и адвокатом и вместе с Виктором пошли за получением страховки. Мне тут же начали советовать, куда лучше вложить капитал, предложив также сделать свою собственную страховку. Я тут же застраховалась ... на миллион долларов, на двадцать лет. Когда меня спросили, кого бы я желала вписать в мою страховку на случай непредвиденного несчастья со мной, я, не задумываясь, вписала Виктора. Детей не имею, с родственниками поддерживаю довольно сухие отношения, хотя материально помогаю им. Виктор был в восторге.

На вечер была приглашена к моей Люцине. Давно ее не видела, со дня похорон. Пришла с Виктором. Она была немного удивлена. Шепнула мне, что он произвел на нее хорошее впечатление, но ее все время не покидает мысль, что она уже где-то с ним встречалась, и не раз-только не может вспомнить где. Я сказала ей, что это исключено, так как он около семи лет не был в Европе. Может, на кладбище? «Нет, не на кладбище ... где-то в обществе, и не так уж давно ... Ну, это ерунда, вспомню, скажу», — ответила Люцина.

В Париже мы пробыли более двух недель. Театры, встречи. Виктор настаивал, чтобы я постепенно вытягивалась в дела. Это хорошо, что я имею хороших и надежных работников, но все же, как говорят, хозяйский глаз коня учит. Например, он может многому меня научить. Надо заняться фабриками в Италии, может, даже расширить их, усовершенствовать, вложив капитал. Если я не возражаю, то он сам лично займется этим, так как, в принципе, ему надоела его работа, которая не позволяет ему полностью распоряжаться собой, никакой личной жизни, если честно, он просто устал от этой постоянной напряженки. «Подам в отставку и займусь твоими делами». Это предложение мне понравилось. Сказала, что согласна. Вызвали нотариуса и адвоката, и я подписала официально все

необходимые бумаги, в которых уполномочивала Виктора Дэмэ вести все мои дела, связанные с фабриками в Италии, с окладом в такой-то сумме. На неделю поехали в Италию. Виктор сразу же приступил к работе. Вызвал руководителей, занялся проверкой выпуска продукции, а также расширением предприятий. Я была в восторге от его предпринимательского таланта.

Вернулась домой во Флориду. После изматывающего Парижа и шумной Италии здесь было так спокойно, особенно в нашей «деревушке». Я опять, после встречи с Люциной, занялась моделированием. Виктор подал в отставку и в основном занимался Италией.

По два-три раза в месяц летал туда, чтобы лично наблюдать и контролировать, как продвигается расширение и усовершенствование фабрик. В его отсутствие мне его ужасно не хватало. Однажды, вернувшись из очередной поездки в Италию, он спросил меня, написала ли я завещание. Я удивленно подняла на него глаза. «Нет, а зачем?» Он улыбнулся: «В деловом мире так принято: если имеешь довольно большой капитал, то, невзирая на возраст, пишут завещание». — «Еще успею, позже. Сейчас мне не до этого», — ответила я.

Через неделю Виктор пригласил нотариуса. Я составила завещание. Долго думала, на кого. И пришла к выводу, что более близких мне людей, чем Люцина и Виктор, не имею. Поэтому отписала фабрики в Италии и дом во Флориде Виктору. Дом под Парижем — Люцине, своей любимой подруге. Пришел нотариус, удостоверил мою подпись, запечатали два конверта, один из них, с копией, я отдала нотариусу, оригинал оставила себе. Виктор при этой церемонии не присутствовал. Когда нотариус ушел, я положила завещание в сейф, набрала шифр и закрыла. Кроме меня и покойного мужа, данный шифр не знал никто. Виктор постучал, я сказала: «Прошу». — «Ну что, покончено с этими неприятными для тебя формальностями?» — спросил он. «Да, слава Богу! А тебе не интересно, кому я все завещала?» — «Конечно, любопытно ... но это просто любопытство, не более, и если не хочешь, то не говори». — «И не скажу», — рассмеялась я.

На следующий день Виктор вылетел в Италию, я занималась моделированием, как вдруг почувствовала себя плохо: закружилась голова, тошнота подступила к горлу. Почти обморочное состояние. Позвала Элизабет, одну из моих женщин, сказав, что мне плохо. Она предложила мне

лечь и выпить свежего апельсинового сока. Стало легче, но через пять-шесть часов приступ повторился. Вызвала доктора. Доктор успокоил, сказав, что ничего страшного, что, по всей вероятности, я в ожидании ребенка, и лучше, чтобы я не откладывала и завтра пошла бы к своему гинекологу. Еле дождалась утра. Да. Была в положении. Не знала, радоваться этому сообщению или же огорчаться. Хотелось, до безумия хотелось ребенка, — было бы для кого жить, кому все это оставить, а с другой стороны, мне уже под сорок, не поздновато ли для первенца? ...

Прилетел Виктор. Первое, как говорят, прямо с порога: «Знаешь, у нас будет ребенок». — «Это невозможно». — «Я тоже так думала ... Но будет. И это точно. Ты рад?» По его ошарашенному виду я не смогла сориентироваться, рад он или нет. «Вижу, что эта новость не привела тебя в восторг», — пошутила я. «Что ты, дорогая, это так неожиданно, кроме того, я боюсь за тебя ... В таком возрасте ... и в первый раз ... но если ты не боишься ... тогда, конечно, рад, очень рад», — поспешно ответил.

И все же решила оставить ребенка. Почти все время чувствовала себя плохо. Из дому не выходила. Время от времени приходила Кристина, которая была в восторге от того, что у меня будет ребенок. Говорила, что все будет хорошо, она знает много женщин даже старше меня, которые также рожали впервые, и все было нормально. Да и вообще, хватит мне все время сидеть дома, надо двигаться, ходить в гости, выезжать в город. Почему бы нам завтра не выбраться, например, в Майами — походить по магазинам, где-то мило пообедать, сходить в кино или даже в театр. Я не возражала. Договорились на завтра: Виктор улетел в Италию, почему бы и не устроить такой «бабий» день.

К десяти часам я была готова, а в одиннадцать мы уже были в центре Майами. Сколько замечательных магазинов, а я так редко тут бываю! Накупили всего столько, что три раза пришлось относить вещи в машину. Наконец, уставшие, решили пообедать, выбрав один очаровательный маленький китайский ресторанчик. Вошли. Очень мило. Полумрак, как всегда, все в бордовом цвете, с золотыми драконами. Почти каждый столик отделен перегородкой, чувствуешь себя тут и уютно, и интимно. Заказали. Ели, не переставая болтать. Настроение отличное, пожалуй, первый день не тошнило. Даже решили в конце обеда выпить кофе с коньяком. И вдруг ... За перегородкой услышала знакомый смех. Смеялся мужчина, смех которого напоминал Виктора. От неожиданности я замерла. Кристина тоже. Стала прислушиваться. Смех мужчины прервал голос женщины: «Ну, продолжай».

Я вся превратилась в слух.

То, что я услышала, было выше моих сил ... Боялась чем-либо выдать наше присутствие. Не сомневалась, что это Виктор.

— Дорогая, любимая, ты же знаешь, что ты моя жизнь. Потерпи еще немного, и мы будем свободны и богаты. Богаты, очень богаты. Ты это понимаешь, счастье мое? И это будет не так, как в первый раз. Та идиотка переписала свое завещание, я даже не заметил когда. А сейчас все иначе. Я сам читал ее завещание. Она все отдала мне, понимаешь, мне, за исключением дома в Париже, который она завещала своей подруге.

Но главное — фабрики, я делаю сейчас все возможное, чтобы они стали моими. Да и эта вилла, я тебе говорил, очаровательна. И это будет, увидишь. Боже, как я тебя люблю! Ради нашей любви, ради нашего богатого будущего я с ней — думаю, ты понимаешь?!

— Конечно, питончик ты мой, конечно, — произнес женский голос. — Ты говоришь, что она беременна, не переживай, это даже к лучшему. Я принесла этот настой. Помни — двадцать капель в любую еду, которую она принимает. Это не имеет вкуса и запаха. Ни один врач, ни даже лаборатория этого не обнаружат. Сам знаешь, не в первый раз. Правда, это постоянно надо добавлять в еду, в течение одного-двух месяцев, в зависимости от крепости организма. А в ее положении, если она будет жаловаться на плохое самочувствие, это понятно. — Снова смех. — Но, дорогой, ты пару месяцев должен быть дома, около нее, никаких Италий. Понятно?

— Понятно. Ты — потрясающая! Я безумно тебя люблю. Еще два-три месяца — и конец нашим тайным встречам, нашим ворованным минутам счастья. Свобода. И богатство! А сейчас скорей к тебе, до самолета еще пять часов. Как я стосковался по тебе! Идем же.

Ушли.

Сидела как парализованная. «Слышала?» «Да, — с ужасом ответила Кристина. — Надо сообщить полиции». — «Нет, не надо».

Кристина заказала еще коньяк. Принесли.

-А знаешь, Еленушка, -проговорила Кристина. -Ведь это потрясающе, что мы выбрались в город. Это грандиозно, что нас потянуло именно в этот ресторанчик! Это неправдоподобно, почти мистично! Вероятно, твой покровитель на небе специально привел нас сюда ... Мы знаем ... Все знаем, значит, можем и всего избежать. Ты это понимаешь? Это же счастье! А остальное не бери в голову, — таким способом Кристина меня успокаивала. И она была права.

В голове проносилось множество разных мыслей. Теперь поняла все. И его появление на кладбище. И отсутствие общих знакомых, и его неопределенно-таинственную работу, и так далее.

— Кристина, дорогая, никому ни слова. Я буду действовать. Хочу поймать его на месте преступления. Буду осторожна. Вызову Люцину. Расскажу ей все. «Мне необходима помощница», — сказала я.

Поехали домой. Позвонила в Париж. Сказала Люцине, что мне необходима ее помощь, пусть на два месяца возьмет отпуск, естественно, все расходы я беру на себя. «Как хорошо, что Виктора нет дома», — подумала я. Люцина прилетела. С ужасом: «Что случилось? К чему такая спешка?» И тут я ей все выложила. Когда я закончила свой рассказ, Люцина вдруг:

— Ах, вспомнила, где и когда его видела. Он встречался с одной очень богатой и еще довольно молодой вдовой. Где-то два-три года тому назад она умерла при таинственных обстоятельствах: не болела, врачи не могли обнаружить ни одной причины. Экспертиза также ничего не установила. Об этом много писали, была целая сенсация! Ты должна ее знать, я забыла ее фамилию, но вспомню, скажу. Позже он исчез. Господи, я ее хорошо знала, она еще одевалась у нас». Ну хорошо, надо действовать. Составим план. Стараться кушать в его присутствии, моя задача будет в том, чтобы всю еду, предназначенную тебе, дублировать и, естественно, незаметно для него подменять.

Я изменила завещание и заменила шифр. Наняла детектива, чтобы следил за каждым выходом Виктора из дома, который, вернувшись из Италии, был страшно удивлен приездом Люцины. Я объяснила это недомоганием, связанным с моей беременностью, и посоветовала на его постоянное отсутствие. А мне в данный момент необходима помощь.

— Это хорошо. Но теперь, дорогая моя, я тебя больше не оставлю одну. Буду все время около тебя. Наш ребенок должен родиться здоровым и сильным.

«Не так ли?» —спросил.

— И он родится здоровым и сильным, — ответила я.

— Как я соскучился... только и думал о тебе. Хочу быть с тобой. Спокойной ночи, Люцина, — произнес.

И мы пошли в спальню.

— Не обижайся на меня, но сегодня я не смогу быть с тобой, не очень хорошо себя чувствую. Принеси мне стакан воды.

Принес. «Спокойной ночи, дорогая», — бросил взгляд на стакан. «Спокойной ночи». Ушел. Естественно, этой водой тут же были политы цветы. На следующее утро тихо вошел в спальню, спросив, как спалось, что я желаю на завтрак, и, бросив взгляд на пустой стакан, улыбнулся.

Не буду описывать целый месяц наших с Люциной ухищрений с едой и питьем. Я делала вид, что мне все хуже и хуже. Даже сдала все анализы (чем черт не шутит). Результат анализов был удивительно хороший.

Сказала об этом Виктору. Он был в восторге. При этом я все же выразила сомнение, почему же при хороших анализах я чувствую себя все слабее и слабее, на что Виктор ответил, что это совершенно естественно в моем положении.

От детектива мне было уже известно все о Викторе и той женщине, об их встречах, адрес их совместной квартиры в Майами. Сообщив обо всем префекту полиции, я сказала, что моя приятельница позвонит им в случае необходимости. Готовилась к решающему моменту. Прошло

полтора месяца. Я делала вид, что мне хуже и хуже. Наконец решилась, предупредив Люцину. И разыграла сцену, подобную лучшим детективам.

Лежа в постели, попросила Элизабет, чтобы она позвала ко мне Виктора, Люцину и Кристину. Когда они пришли, тихо сказала:

— Мне так плохо, что боюсь в любую минуту умереть..., чувствую, как жизнь будто уходит из меня. Жаль мне себя, жаль неродившегося ребенка, жаль мне вас, мои девочки, тебя тоже жаль, Виктор». Да, я изменила завещание... Если действительно со мной что-либо случится, то вы в самом коротком времени узнаете, что в нем. Думаю, что все останетесь довольны... Люцинка, вызови врача, скорей». Замолчала.

-Ты изменила завещание? — спросил Виктор. Но зачем?

— Не все ли равно, дорогой.

Видимо, присутствие Кристины не позволило ему задать другие вопросы. Улыбаясь, добавил:

— Глупости. Что тебе в голову пришло? Это твое состояние в связи с ребенком. Все будет отлично. Увидишь! Через десять минут двери отворились и вошли комиссар и три полицейских с моим детективом. Комиссар спокойно подошел к Виктору и твердо сказал:

— Вы арестованы за преднамеренное убийство и покушение на убийство.

Надели наручники на ошеломленного Виктора.

— Осторожно возьмите стакан воды на тумбочке — и в лабораторию. И в правом кармане пиджака этого господина пузырек — он тоже пригодится. Между прочим, ваша Аннет уже находится там, где вы будете через пятнадцать минут, — продолжал комиссар.

Виктор с ужасом смотрел на меня, которая, словно от прикосновения волшебной палочки, вдруг ожила. Я тихо сказала:

— Спасибо Кристине, что она вытащила меня в один прекрасный день полтора месяца тому назад, когда ты должен был находиться в Италии, в маленький китайский ресторанчик на одной из многочисленных авеню города Майами...

Инна Корогид

> ВАМ ТАКЖЕ МОЖЕТ ПОНРАВИТЬСЯ

(<https://inna-korogid.me/articles/devushka-is-tailanda/>)

Девушка из Тайланда

(<https://inna-korogid.me/articles/devushka-is-tailanda/>)

🕒 24.08.2020

(<https://inna-korogid.me/articles/moe-pervoe-beloe-palto/>)

Мое первое белое пальто (<https://inna-korogid.me/articles/moe-pervoe-beloe-palto/>)

🕒 25.08.2020

(<https://inna-korogid.me/articles/neue-zeiten-nr/>)

Фантастическая судьба (<https://inna-korogid.me/articles/neue-zeiten-nr/>)

🕒 10.11.2008

Добавить комментарий

Зашли как [Автор \(https://inna-korogid.me/wp-admin/profile.php\)](https://inna-korogid.me/wp-admin/profile.php). [Выйти » \(https://inna-korogid.me/wp-login.php?action=logout&redirect_to=https%3A%2F%2Finna-korogid.me%2Farticles%2Fspasibo-christine%2F&_wpnonce=d35d9dd7a5\)](https://inna-korogid.me/wp-login.php?action=logout&redirect_to=https%3A%2F%2Finna-korogid.me%2Farticles%2Fspasibo-christine%2F&_wpnonce=d35d9dd7a5)

Текст вашего комментария

ОСТАВИТЬ КОММЕНТАРИЙ

[Impressum | \(//inna-korogid.me/impressum/\)](https://inna-korogid.me/impressum/) [Datenschutz \(//inna-korogid.me/datenschutz/\)](https://inna-korogid.me/datenschutz/)

Copyright © Inna Korogid 2013-2020

